

Е. М. САХАРОВА

Поэзия и революция (Тема революции в творчестве М. А. Волошина советского периода)

Максимилиан Александрович Волошин, один из известных представителей русской культуры начала XX века <...> оказался с теми, кто, говоря словами А. Блока, «услышал узыку революции».

«Поэзия и революция» — так назвал Волошин одну из самых значительных своих статей, большая часть которой посвящена поэме А. Блока «Двенадцать»¹.

<...>

Величайшую заслугу Блока Волошин видит в том, что его поэма явилась «милосердной предстательницей за темную и заблудшую душу русской разиновщины», еще не нашедшей своего голоса и потерявшей своего Христа.

В эпохи революционных потрясений, в частности в переживаемую Россией эпоху, творческое воображение поэта, по мысли Волошина, могут волновать лишь великие мировые силы, «расковавшие древние стихии», и судьба отдельной человеческой души, ввергнутой в водоворот исторических событий, страстей и заблуждений.

Для самого Волошина, начиная с 1918 года и до конца жизни, главными, сквозными оставались — постижение «духа истории», разворота космических мировых сил и вопрос о том, как сочетать непреклонную поступь истории, часто жестокую правду века, — с правом человека на жизнь, радость, творчество, счастье.

Поэтическое прозрение, уяснение логических звеньев истории, возможность увидеть «пересоздание» человека в огне и вихре мировых сил, с точки зрения Волошина, делается особенно наглядным, доступным в «космические» эпохи, в годы революционных потрясений. Поэтому Волошин-поэт принял революционные события 1917 года с радостным сознанием своего избранничества.

И самый пафос послеоктябрьской поэзии Волошина, ее значительность, торжественная серьезность определялись, в конечном счете, этим стремлением — не уронить высокого назначения, высокой чести, выпавших на долю поэта.

Страстный путешественник, «исследивший земные тропы» многих стран <...> Волошин отклоняет советы друзей и знакомых, покидающих родину, и навсегда остается в России. В автобиографии, датированной 1925 г., он пишет: «Вернувшись весной 1917 г. в Крым, я уже больше не покидаю его: ни от кого не спасаюсь, никуда не эмигрирую. И все волны гражданской войны и смены правительств проходят над моей головой»².

Гражданская война на горячей крымской земле дала смысл, содержание, нерв творчеству Волошина всех последующих лет. «Обширнейший и драгоценнейший революционный опыт»³, — так определил сам поэт значение этого периода. Послереволюционные годы, по словам Волошина, являются наиболее плодотворными в его поэзии «как в смысле качества, так и количества написанного»⁴.

Это же признавали и его современники. В. Брюсов в статье «Вчера, сегодня и завтра русской поэзии»⁵ среди известных русских поэтов, после революции не только «удержавшихся на крайней высоте своего творчества», но в некотором отношении ушедших вперед, называет Волошина. Новые стихи поэта, по словам Брюсова, «имеют еще то достоинство, что часто касаются тем современности».

Точку зрения Брюсова разделял и Андрей Белый, который писал в 1924 г.: «Я не узнаю Максимилиана Александровича. За пять лет революции он удивительно изменился, много и серьезно пережил..., в точках любви к совр[еменной] России мы встречаемся, о чем свидетельствуют его изумительные стихи. Вот еще «старик» от эпохи символизма, который оказался моложе многих «молодых»»⁶.

Имеется ценное свидетельство И. Бунина, встретившего Волошина в 1919 г. в Одессе. «Одесса уже занята большевиками. Волошин принимает в этом самое горячее участие»⁷. С крайним неодобрением, неизбежным для человека, разрывающего связи с Родиной, отзывается Бунин о деятельности Волошина, стремившегося объединить интеллигенцию в профессиональные союзы-цеха, найти общий язык с молодыми литературными силами — В. Катаевым, Э. Багрицким, Ю. Олешей. Но и Бунин признает, что революционные события сделали Волошина более значительным, крупным поэтом, чем он был до 1917 г.: «Я даже дивился на него — так далеко шагнул он вперед и в писании стихов; и в чтении их, так силен и ловок стал и в том и в другом, но слушал его даже с некоторым негодованием: какое, что называется, «великолепное», самоуспокоенное и по обстоятельствам места и времени, кощунственное словоизвержение!»⁸.

Приобщение к революции изменяет все — и предмет поэзии Волошина, и облик лирического героя, прежде более сосредоточенного на внутреннем мире, на «этапах блужданий» собственного духа, и стилевой строй произведений. <...>

В поэтическом осмыслении Волошиным «драгоценнейшего революционной опыта», не все может принять и разделить современный читатель. Но нельзя забывать о главном — стремлении поэта увидеть в революции самый высокий дух русской истории, через трудности, лишения, катастрофы и разрывы пронести веру в человека, в его право, говоря словами Достоевского, на «высшую гармонию духа».

Россия и революция, народ и революция, поэт и революция, цивилизация и революция, и, главное, — человек и революция... Таков круг интересующих Волошина проблем, и неизбежно в фокусе его поэтического внимания — революция. Поклонник и последователь Михаила Бакунина, он может назвать ее «мятежом», «бунтом», увидеть в ней прежде всего разбушевавшуюся стихию, но никогда поэт не отделит себя от того, что происходит в России.

Блок писал в статье «Интеллигенция и революция»: «России суждено пережить муки, унижения, разделения, но она выйдет из этих унижений новой и по-новому великой»⁹. «Муки, унижения, разделения», переживаемые Россией, — об этом говорил и Волошин. Часто его упрекали в сгущении красок при описании ужасов гражданской войны и разрухи. Но эти муки и унижения не испугали поэта, не заслонили Россию, не увели от нее. В стихотворении «Русь гулящая» (1923) «смрадной и нишей, опозоренной и хмельной» предстает деревенская Россия. Но поэт убежден, что пройдет время —

И во всей полноте бытия —
Всенародно, всемирно, всезвездно —
Просияет правда, твоя!

Волошину близко пушкинское понимание «особого предназначения России», ее великой миссии. В письме к Чаадаеву 19 октября 1836 г. Пушкин вспоминал, как Россия отразила монгольское нашествие и спасла тем самым Европу. Не менее великая задача, по убеждению Волошина, стоит перед революционной Россией теперь, в 1917 году.

Понятия «буржуазия» и «пролетариат» казались Волошину надуманными, «иноземными»¹⁰, не соответствующими той пестроте сословий, которая существовала в России. Но и при том, что русская революция, как представлялось ему, совершается не в русских одеждах, он все же принимает ее и, более того, чувствует превосходство своей, объятый пламенем, страны перед Европой.

Не нам ли суждено изжить
 Последние судьбы Европы,
 Чтобы собой предотвратить
 Ее погибельные тропы.

Пусть бунт наш — бред, пусть дом наш — пуст,
 Пусть боль от наших ран — не наша.
 Но да не минет эта чаша
 Чужих страданий наших уст!

И если встали между нами
 Все гневны будущих времен —
 Мы все же грезим русский сон
 Под чуждыми нам именами.

(«Русская революция», 1919)

<...>

Волошин верил, что огонь революции, сокрушая старое, разрушая устоявшееся, не тронет главного — самого духа, самой сути России. Более того, поэт верил, что мятежный огонь поможет возродить человека к новым, более совершенным формам бытия:

В крушеньях царств, в самосожженьях зла
 Душа народов ширилась и крепла:
 России нет — она себя сожгла,
 Но Славия воссветится из пепла!

(«Европа», 1918)

Не случайно не только одно стихотворение, но и всю книгу своих стихотворений, над которой он работал до 1923 г., поэт назвал «Неопалимая купина».

Мы погибаем, не умирая,
 Дух обнажаем до дна...
 Дивное диво — горит, не сгорая,
 Неопалимая купина!

«Не сами ль мы, подобно нашим предкам, пустили пал?» — восклицает поэт в стихотворении «Китеж» (1919), не мысля и себя вне охватившего Русь пожара («Я сам — огонь. Мятеж в моей природе»).

Высокое назначение человека поэт видит в том, чтобы трудный, может быть, мученический путь пройти со своей страной. Призывая к этому, Волошин готов на самопожертвование. С большой силой убеждения он скажет в стихотворении «Готовность» (1921):

Верю в правоту верховных сил,
Расковавших древние стихии,
И из недр обугленной России
Говорю: «Ты прав, что так судил!»

Надо до алмазного закала
Прокалить всю толщу бытия.
Если ж дров в плавильной печи мало,
Господи, — вот плоть моя!

И такая обычная, уже стершаяся метафора — горение человека — приобретает в поэзии Волошина свой первоначальный, прямой смысл. Поэт верит в цельность, стойкость, негибаемость, нетленность человеческого духа.

В 1918 г. Волошин работает над поэмой «Протопоп Аввакум». Рожденный, по словам Волошина, «по подобию небесного огня», Аввакум и сам стал «огонь, одетый пеплом плоти»: «Огненного» проповедника и бунтаря не могут сломить ни царь, ни лютующие бояре, ни его злобные недруги — духовные отцы, ни даже казнь на костре.

Построен сруб — соломою накладен:
Корабль мой огненный — на родину мне ехать.
Как стал ногой — почувал — вот отчалою
И ждать не стал: сам подпалил свечей.

Еще один поэтический вариант, подтверждающий дорогую для поэта мысль: сила огня не властна над человеком твердого духа, не убивает его, а ведет к возрождению, к воскресению — звучит и в «Сказании об иноке Епифании» (1929), идейном сподвижнике Аввакума. Вот кроткий созерцатель Епифаний «поднялся в пламени божественною силой вверх к небесам...».

Во время революции пожаром охвачена вся страна:

Вся Русь — костер. Неугасимый пламень
Из края в край, из века в век
Гудит, ревет... И трескается камень.
И каждый факел — человек.

(«Китеж», 1919)

«Из века в век» животворящая сила огня и нетленность человеческого духа являются для поэта символом всего здорового, просветленного.

В поэме «Россия» (1924), вспоминая о долгом пути русского разночинца, поэт скажет:

Почти сто лет он проносил в себе —
В сухой мякине — искру Прометея,
Собой вскормил и выносил огонь.

«Горит свечой, всходя на эшафот», Достоевский; «сквозь муки и крещения совести, огня и вод» идет каждый, кто хочет быть со своей Родиной в годы революции.

Стихии огня посвящен ряд строк в цикле «Путями Каина» (часто называемом поэмой), над которым поэт работал в 20-е годы. Это интересный и оригинальный образец философской и научной поэзии Волошина, в котором поэт выразил свои взгляды на развитие всей истории человечества — ремесел, техники, науки, философии, религии, как бы подвел итог своим многолетним идейным и эстетическим исканиям. «Путями Каина» начинается с перифраза известного евангельского текста («В начале было слово. Слово было у Бога. И слово было богом»). Поэт утверждает:

В начале был мятеж,
Мятеж был против бога,
И бог был мятежом,
И, все, что есть, началось чрез мятеж.

Стихия огня, по словам поэта, прямо связана с появлением человека, сопутствует ему во всем.

Высокий пафос поэмы неотделим у Волошина от остро трагического звучания. Основное противоречие жизни поэт видит в невозможности примирить высокое назначение человека — с ходом мировой истории, ведущей человечество «Путями Каина» — дорогами братоубийственных войн и междоусобиц.

Волнует Волошина и стоящая перед человечеством вечная дилемма — выбор между сытостью и свободой, между хлебом и духом. Волошин всей системой образов своей поэмы прославляет величие свободного, творческого человеческого духа, обличает сытость, тупость. Поэт, во имя этой свободы, ошибочно противопоставляет политическим лозунгам — абсолютные ценности духа, осуждает ограничивающее их проявление государство.

Задача поэта, как ее представлял Волошин, делать все, чтобы не дать погибнуть в человеке прометееву огню — вечному стремлению к свободе.

«Драгоценнейший революционный опыт», как утверждал Волошин, дал ему возможность сосредоточенно взглянуть в происходящее, «выстрадать» свое познание, выработать свою творческую позицию. Это

«познание» определилось, оформилось в программу, которую принято определять как абстрактный гуманизм, как позицию «над схваткой». В стихотворении «Доблесть поэта» Волошин пишет:

Творческий ритм от весла, гребущего против течения.
В смутах усобиц и войн постигать целокупность,
Быть не частью, а всем: не с одной стороны, а с обеих.
Зритель захвачен игрой — ты не актер и не зритель.
Ты соучастник судьбы, раскрывающий замысел драмы.
В дни революции быть Человеком, а не Гражданином.

Читатель Волошина вправе спросить: каким же образом может произойти революция без насилия? Как сочетать воспевание очистительной силы огня — и призыв быть только человеком, а не бойцом, не гражданином? Позиция Волошина сложна, противоречива, разговор о ней не может быть однозначным. Революция привлекала поэта, но неизбежные при этом кровопролитие, террор устрашали. Но побеждала вера, которая зиждилась на убеждении поэта, что хотя новый мир рождается в муках, и цена обновления тяжкая, путь от Голгофы идет к воскресению, к новым, более высоким формам жизни.

Эта позиция Волошина заслуживает не только критики, но и пристального конкретно-исторического изучения. Между тем, комментируя отдельные строки и строфы вне контекста, критики порою с поспешностью заключали о разрыве Волошина с прогрессивной, гражданской демократической литературой, в частности с поэзией Рылеева и Некрасова (последнего, кстати, Волошин высоко ценил), отъединяли поэта от советской литературы.

Так, Б. Таль в статье под устрашающим названием «Контрреволюция в стихах М. Волошина» («На посту», 1923, № 4) расправлялся с поэтом, произвольно истолковывая его. Например, строки Волошина:

С Россией кончено. На последях
Ее мы прогалдели, проболтали...

неизбежно, с легкой руки Таля, подчас трактуются и сегодня как неприятие революции «типичнейшим представителем буржуазной интеллигенции». Между тем цитируемые строки из стихотворения «Мир» (в автобиографии названного «Брестский мир»), написаны 23 ноября 1917 г., так сказать, «на случай» — 20 ноября в Брест-Литовске начались мирные переговоры с Германией, и отражают горькие чувства поэта, думающего о тягчайших для России условиях мира.

Говоря об отношении Волошина к революции, следует также помнить, что революционный опыт поэта, находящегося вдали от Петербурга

и Москвы — двух революционных центров, был основан на конкретном материале крымских событий.

Положение Крыма, переходящего из рук в руки, было очень сложным. С калейдоскопической быстротой менялись «знамена, партии и программы». Как метко сказал Волошин:

В те дни понятия так смешались,
Что господа буржуй молил,
Чтобы у власти продержались
Остатки большевистских сил.

В противовес этим меняющимся политическим лозунгам и программам Волошин выдвигал свою концепцию человека — рыцаря духа, способного отдаться стихии огня, мятежным порывам и вследствие этого оказаться на гребне великих событий. Волошин утверждал в автобиографии, что из выстраданного им революционного опыта он «вынес свою веру в человека». Это была вера в способность человека сохранить человеческое в самых тяжелых условиях, вера в возможность «пересоздания» людей, охваченных огнем революции, воскресения и в них добрых, заложенных самой природой начал. Эта вера смягчала трагизм многих произведений поэта.

<...>

Поэзия Волошина послереволюционного периода должна быть включена в широкое русло советской литературы: поэт, разделивший, по словам С. С. Наровчатова, «в тяжелые годы гражданской войны судьбу своего народа и своей страны, искренно вставший на сторону Советской власти», скончался «на родном, а не на чужом берегу»¹¹.

<1981>

